

В числе каменного инвентаря особо следует отметить большой сланцевый нож (рис. 5, а), к сожалению расколотый и сохранившийся не полностью. В отличие от всех ранее найденных в Уэленском могильнике каменных ножей он имеет сложную конфигурацию сечения. Утолщенный по краям нож с обеих сторон к середине утончается, но по средней его линии вновь проходит утолщенный валик, еще более усложненный сделанным вдоль него на значительной части протяжения пропилом. Такое сечение лезвия представляется бессмысленным для каменного орудия и даже вредным для его прочности. Однако оно может быть легко объяснено, если предположить, что это — каменная имитация металлического орудия, скорее всего литого бронзового меча.

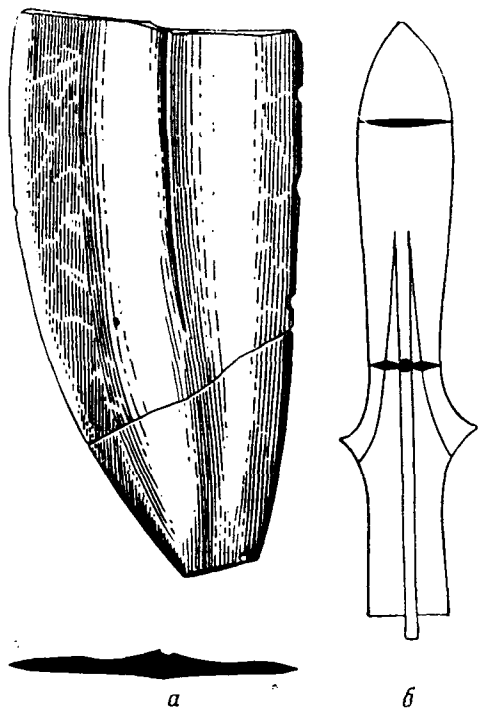

Рис. 5. а — сланцевый нож из погребения В; б — бронзовая алебарда (Япония, начало н. э.)

Нами ранее указывалось на факт проникновения металла (железа) в древнее берингоморье; тогда же нами были сделаны и предположения о возможных путях этого проникновения, а именно — с Амура. Параллели данному каменному ножу мы также можем искать почти в том же районе, среди медных и бронзовых мечей и кинжалов, распространенных в Корее, Японии и Китае в конце I тысячелетия до н. э. и в первых веках нашей эры. Как видно на прилагаемом рисунке (рис. 5, б), сечение такого металлического оружия довольно близко по своей форме к сечению ножа, найденного в погребении В.

В этой связи интересно отметить, что медь по-эскимосски называется «кануя», а по-японски металл вообще и медь в особенности обозначаются словом «канэ».

Костяной инвентарь погребения В типичен для древнеберингоморских захоронений. «Крылатый предмет», орнаментированная пластинка из моржового клыка, а также другие предметы имеют многочисленные параллели с инвентарем из других погребений древнеберингоморской культуры. Нельзя этого сказать лишь об одном костяном орудии, которое в Уэленском могильнике встречено нами впервые, — выбивале из моржового клыка⁵.

Кроме описанного в настоящем сообщении комплекса сгребений, в 1960 г. удалось обнаружить еще два погребения, не представляющих особого интереса. Общая площадь, вскрытая в этом году, составила 185 м². Отсутствие захоронений на участках, окружающих ранее раскопанную площадь, а также рельеф местности дают основания думать, что вряд ли можно ожидать открытия значительного количества новых захоронений на территории, прилегающей к раскопанному в 1957—1960 гг. могильнику.

С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев

⁵ Обычно подобные орудия, предназначенные для выбивания кристаллов снега из меховой одежды, сделаны из оленьего рога.

ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА АФРИКИ АН СССР

Опубликованная в журнале «Советская этнография» (№ 6, 1960 г.) статья А. С. Орловой «О месте и роли традиционных властей африканского общества в прошлом и настоящем» вызвала оживленное обсуждение на очередном заседании Ученого совета Института Африки АН СССР.

Во вступительном слове А. С. Орлова подчеркнула, что она ставила себе целью показать, что феодальный и патриархально-феодальный уклады развились в африканском обществе задолго до колонизации и что колониальные власти опирались в своей политике на сложившиеся в африканском обществе отношения. Народы Тропической Африки шли теми же путями, что и другие народы мира. Не существует особого африканского пути, исторического развития. Детального обсуждения требуют поднятые в

статье вопросы о работорговле и ее роли в судьбах народов Африки и о роли вождей-чиновников во французских колониях как носителей феодального уклада.

В. Я. Кацман отметил большой теоретический и практический интерес статьи А. С. Орловой. Наиболее спорным, по его мнению, является вопрос о развитии феодальных отношений в тех политических образованиях, которые возникли до прихода европейцев. Подобное утверждение верно в отношении районов Северной Нигерии, Бенина, государства Ашанти, Уганды, Западного Судана. В других же, указанных А. С. Орловой областях, где наблюдались зачатки государственности, не обязательно возникало феодальное общество. В. Я. Кацман не согласился с утверждением автора статьи, что в этих районах племя как форма политической и общественной организации исчезло. Особенностью Африки является сохранение многих форм и обычаев первобытно-общинного строя, что связано с воздействием внешних сил, а также со спецификой внутреннего развития Африки. Племя как объединение общин, имеющих общего предка и общую религию и подчиненных одному или нескольким вождям, сохранилось в Африке даже в зонах образования феодальных государств. В. Я. Кацман не согласился также с утверждением А. С. Орловой, что термин «chief» или «chef» (вождь племени) был введен из-за стремления колонизаторов оживить пережитки родоплеменных отношений. Сохранение в ряде районов Африки именно вождя племени, отметил В. Я. Кацман, характерно для Африки. Говоря об особенностях развития классовых отношений в Африке, В. Я. Кацман высказал интересную мысль о своеобразии организации сельской общины в Африке и о влиянии этого фактора на процессы общественного развития.

Наиболее интересны в статье описание и анализ положения вождей после империалистического раздела Африки. Превращение кантональных вождей, назначаемых французскими властями, в феодалов — процесс, который наблюдается и в Восточной Африке. В заключение В. Я. Кацман подчеркнул, что тезис автора об антифеодальном характере происходящей в Африке революции очень важен, хотя и не универсален. Есть целый ряд стран, получивших независимость, где вопрос о борьбе с феодалами не стоит.

Е. А. Берков в своем выступлении полемизировал с утверждением В. Я. Кацмана, что при установлении двух систем колониального управления не было первоначального уничтожения колонизаторами института традиционных вождей. Ломка этого института, указал Е. А. Берков, произошла на первом этапе колонизации и уже потом развитие борьбы за национальное освобождение заставило колонизаторов в одном случае воссоздать этот институт, а в другом — превратить вождей в вождей-чиновников. Е. А. Берков поднял также вопрос о причинах применения английскими и французскими империалистами различных методов колониального управления. По его мнению, ответ на этот вопрос нужно искать в различии общественного строя покоренных империалистами народов. В заключение Е. А. Берков подчеркнул необходимость кооперирования работы советских ученых разных специальностей при разрешении вопросов общественного строя африканских народов.

Выступление Б. И. Шаревской было посвящено вопросу о племени как политической и общественной организации народов Африки. Возражая А. С. Орловой, которая преуменьшает роль родоплеменной организации в жизни народов Африки, Б. И. Шаревская указала, что наиболее яркие формы, характеризующие патриархальный род, мы находим как раз в Африке. В подтверждение своей мысли Б. И. Шаревская сослалась на общественную организацию племен гереро (Юго-Западная Африка) и азанде (Центральная Африка).

Во главе отдельных общин гереро стоит местный начальник с советом стариков. Несколько таких поселений подчиняются общему верховному вождю. Рядом с ним стоит совет стариков. Никаких следов деспотического господства клановых вождей у гереро нет. Власть и авторитет совета старейшин у гереро не меньше власти и авторитета вождя. Эти данные, подчеркнула Б. И. Шаревская, относятся к 1890—1900 годам. Общество азанде, как его описывает Юнкер, представляет, по мнению Б. И. Шаревской, пример военной демократии, а не феодального общества, как считают некоторые исследователи. В заключение Б. И. Шаревская особо подчеркнула, что все эти патриархальные общества стоят на грани классового общества и во всех этих обществах существует патриархальное рабство.

Н. И. Высоцкая также отметила, что удельный вес первобытно-общинного строя в Африке больше, чем считает А. С. Орлова. Свой тезис о том, что основным фактором, который влиял на роль и место традиционных африканских властей вплоть до 2-ой мировой войны, был уровень, которого достигли те или иные страны к моменту колонизации, Н. И. Высоцкая доказывала на примере общественной организации этнических групп фанг и мери (Габон), батеке и баконго (Конго).

П. И. Куприянов затронул в своем выступлении две основные проблемы: о характере общественных отношений у современных народов Африки и о роли вождей в африканском обществе. Он считает, что А. С. Орлова сильно преувеличила развитие феодальных отношений у африканских народов как в прошлом, так и в настоящем. 90% африканского населения и сейчас занято в сельском хозяйстве, основным орудием здесь является мотыга, т. е. орудие производства, характерное для первобытно-общинного или рабовладельческого способа хозяйства, а не феодального. В области произ-

водственных отношений в африканской деревне экономической основой является сельская община, земля у всех африканских народов до сих пор является общинной собственностью, хотя существуют и элементы частной собственности. Между тем, основой феодализма является собственность феодала на землю. П. И. Куприянов отметил, что в статье А. С. Орловой преувеличена предательская роль вождей, и подчеркнул, что в этом вопросе нужен дифференцированный подход к различным явлениям.

И. А. Сванидзе выступил в защиту тезиса А. С. Орловой о значительной феодализации африканского общества до колонизации и в настоящее время. В поддержку этого тезиса он привел пример основных народов Северной Родезии — баротсе, тонга, нгони и бемба. У баротсе, по мнению И. А. Сванидзе, до колонизации было ярко выраженное развитие феодальное общество и государственность с очень сложной феодальной иерархией. Общество нгони И. А. Сванидзе характеризовал как феодально-патриархальное или ранне-феодальное. У тонга феодальные отношения были бы более развиты, если бы не внешние факторы — военные нападения более сильных соседей

М. В. Райт подробно остановился на проблеме существования рабовладельческой формации у народов Африки. Она считает, что рабовладельческая формация в странах Тропической Африки так и не сложилась. Даже такие развитые древние государства, как Аксум и Сонган, не были рабовладельческими. В этих государствах существовал рабовладельческий уклад наряду с феодальным укладом и последний, по мнению М. В. Райт, развивался в феодальную формацию. Согласившись с утверждением, что родоплеменная структура в большей части Африки еще сохраняется, М. В. Райт подчеркнула, что весь вопрос в том, какие общественные отношения скрываются за этой структурой, и отметила, что в ряде случаев это патриархально-феодальные, в других — типично феодальные, а в некоторых странах — и зачатки капиталистических отношений.

Тов. Айзенштейн затронул в своем выступлении вопрос о причинах существования двух систем управления — косвенного и прямого. Он связал те или иные формы колониального управления в отдельных районах Африки со стремлением империализма укрепить свою социальную базу и закрепить раскол трудящихся по расовому признаку в тех странах, где имеется значительное по численности население европейского происхождения.

С. Р. Смирнов, присоединившись к высокой оценке статьи А. С. Орловой, данной предыдущими ораторами, отметил, что в своей статье А. С. Орлова полностью исключила из рассмотрения государства Нила — Дарфур, Кордофан и ряд государств Западного Судана. Чтобы правильно понять пути исторического развития народов Африки в целом, надо рассматривать все государственные образования, возникшие на этом континенте. С. Р. Смирнов подчеркнул также, что едва ли можно с полной определенностью относить все области государственности, указанные А. С. Орловой, к сфере развития феодальных отношений.

В своем выступлении директор Института И. И. Потехин подчеркнул, что проблема африканского феодализма — одна из наиболее сложных и вместе с тем наиболее актуальных. Она является ключом к пониманию всей африканской истории до эпохи колонизации. С другой стороны, решение этой проблемы имеет большое политическое значение. Мы не в состоянии что-либо сказать о путях решения аграрного вопроса в странах Африки, недавно освободившихся от колониального гнета, пока не разберемся в поземельных отношениях, существующих в этих странах. А вопрос о поземельных отношениях тесно связан в настоящее время с особенностями африканского феодализма. Сложность исследования проблемы генезиса африканского феодализма состоит в том, что в Тропической Африке феодальные отношения возникли в результате разложения первобытно-общинного строя и патриархального рабства. Задача заключается в том, чтобы найти те объективные показатели, которые позволят сказать, где кончается первобытно-общинный строй и где начинается феодализм. В этой связи И. И. Потехин остановился на экономическом моменте, который, по его мнению, играл большую роль в переходе от первобытно-общинного строя к феодализму — на возможности превращения одной натуральной формы богатства в другую или в другие формы. Такая возможность появляется, по его мнению, когда ремесло отделяется от земледелия, когда начинает развиваться торговля между отдельными племенами и народами и возникают городские центры. Отвлекаясь от этих явлений, подчеркнул И. И. Потехин, очень трудно понять переход от первобытно-общинного строя к феодализму.

Касаясь непосредственно обсуждаемой статьи, И. И. Потехин отметил, что А. С. Орлова сосредоточила все свое внимание на надстройке и пришла к переоценке степени развития феодальных отношений в Африке.

Подводя итоги дискуссии, И. И. Потехин отметил, что дискуссия носила чрезвычайно интересный и полезный характер. Она показала наличие различных точек зрения на проблемы развития народов Африки и необходимость дальнейшего углубленного изучения советскими специалистами общественных отношений в современной Африке.

А. В. Никифоров